

Третий Ренессанс или Новое Средневековье?

Русский Серебряный век о Возрождении

ОЛЕГ МАТВЕЙЧЕВ

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, matveyol@yandex.ru.

Ключевые слова: история философии; русская философия; история идей; античность; Возрождение; русский Ренессанс; Серебряный век.

Статья представляет собой историографический и теоретический обзор взглядов представителей русской религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX веков на тему западноевропейского Возрождения. Анализируется история понятия «Ренессанс» со времен его введения в научный обиход Жюлем Мишле (1855) и Якобом Буркхардтом (1860). Русской интеллигенцией этот термин был воспринят в интерпретации Фридриха Ницше, противопоставившего индивидуализм и аристократизм Ренессанса эгалитаризму и мещанству современности. Ницшеанская концепция Возрождения Дмитрия Мережковского, искавшего разрешения великого противоречия язычества и христианства и ожидавшего Третьего Возрождения, противопоставляется построениям Акима Вольтинского, трактовавшего Ренессанс не как возрождение классической красоты и раскрепощение творческих сил индивидуума, но как движение антихристианское, демоническое, реставрация темных языческих начал. Рассматриваются своеобразные трактовки Возрождения и связанные

с ними концепции Третьего Ренессанса Фаддея Зелинского и Вячеслава Иванова.

Автор подчеркивает, что у энтузиастов Третьего Ренессанса понятие «Возрождение» трактуется расширительно — не только как реставрация античных идеалов, но и как обновление культуры вообще, путь к новому состоянию культуры и общества. Отсюда — идея о множественности «возрождений» в истории, связанная с представлением о цикличности исторического процесса. Отмечается, что в начале XX века в русской философии отношение к Возрождению переосмысливается, в нем находят корни всё углубляющегося кризиса современного общества. Ренессанс критикуется как явление, ответственное за обездушивание и атомизацию западной культуры. Наиболее последовательными критиками мировоззрения ренессансного типа были Николай Бердяев и Павел Флоренский, объявившие скорый конец мира Возрождения, построенного на принципах гуманизма и индивидуализма, и наступление эры Нового Средневековья.

В СЕРЕДИНЕ XIX века из толщи исторической литосферы подобно новому континенту поднялась целая эпоха. Прежде понятие «возрождение» время от времени уже использовалось для описания определенной ситуации в западной, прежде всего итальянской, культуре XIV–XVI веков («возрождение литературы» у Вольтера, «возрождение живописи» у Стендаля), но всегда с маленькой буквы, без претензий на широкое обобщение. В качестве же названия целого периода человеческой истории оно впервые появилось лишь в 1855 году в седьмом томе «Истории Франции» Жюль Мишле, так и озаглавленном — *Renaissance*. В предисловии к нему автор писал:

Любезное нашему слуху слово «Возрождение» напоминает друзьям красоты только о пришествии нового искусства и свободном взлете фантазии. Для эрудита — это возобновившееся изучение античности, для законоведа — это свет, который начинает брезжить среди удручающего хаоса наших старых обычаев¹.

Этим частным экспликациям Мишле противопоставляет свое понимание Ренессанса как эпохи, включающей решительно все аспекты человеческого опыта. Содержание ее французский историк описал своей знаменитой формулой «открытие мира, открытие человека».

Новоявленная эпоха по-хозяйски втиснулась в трехчленную схему, предложенную в начале XVIII века Кристофом Келлером (Целлариусом) и принятую всей последующей исторической наукой: Античность (до Константина Великого), Средние века (до падения Константинополя), Новое время (всё, что после). Место это, впрочем, было заготовлено еще Гегелем, за неимением подходящего термина охарактеризовавшего годы позднего Средневековья, на которые пришлось возрождение наук, расцвет изящных искусств и открытие Америки, почти поэтически,

1. Февр Л. Как Жюль Мишле открыл Возрождение // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 380.

назвав их «утреннею зарею», возвещающей окончание «ужасной ночи Средних веков»².

Изобретение Мишле, ставшее, по заверению Люсьена Февра, консеквентом личной драмы историка (смерть жены, отдавание от Церкви), вошло в обиход легко и уверенно. Через пять лет после Мишле, в 1860 году, швейцарский историк Якоб Буркхардт выпустит книгу «Культура Возрождения в Италии», которая окончательно утвердит термин «Ренессанс» в исторической науке и станет отправной точкой для всех позднейших интерпретаций. В изображении Буркхардта Возрождение предстанет первой в истории эпохой, по-настоящему признавшей человеческое достоинство и превознесшей индивидуализм, истинным началом нового времени, порвавшим с «темным средневековьем». Ее отличительными чертами выступили секуляризм (и даже язычество), культ физической красоты, развитие естественных наук, тяга к новым открытиям, в том числе географическим, осознание своего места в истории, национальное строительство, демократизация общественной жизни. Этот исторический период характеризовало не только восстановление античных идеалов, но и возрождение в самом буквальном смысле — выздоровление от Черной смерти XIV века, взлет рождаемости и выход из экономической депрессии. Сегодня эти определения кажутся едва ли не тривиальными, но лишь потому, что стали классикой.

Образ Ренессанса как эпохи титанов и героев, эпохи сверхчеловека популяризировал Фридрих Ницше, вдохновлявшийся трудами Буркхардта всю свою творческую жизнь (мы помним, что своему старшему коллеге по Базельскому университету он отправил последнее в своей жизни письмо, где признался, что предпочел бы быть швейцарским профессором, чем Богом, но не посмел зайти так далеко в своем личном эгоизме³). По мнению Ницше, Возрождение унаследовало от античности культ индивидуальной воли, противопоставленной анемичности толпы. Личность эпохи Ренессанса действует без оглядок на моральные ограничения. Таков макиавеллиевский Государь, готовый пойти ради достижения великих целей на жестокость и вероломство. Таков Лоренцо Медичи — флорентийский Заратустра. Выпестованные Ренессансом индивидуализм и аристо-

2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 419.

3. Ницше Ф. Письма. М.: Культурная революция, 2007. С. 365.

кратизм Ницше противопоставляет эгалитаризму современности, инстинктам среднего человека, ищущего мещанского благополучия.

В конце XIX — начале XX века Ренессанс стал предметом рефлексии русских интеллектуалов. Предчувствие новой эры, «ожидание нового солнца» заставляло многих из них ощущать себя деятелями Возрождения.

Дмитрий Мережковский представлял историю новой эры как чередование периодов упадка (*décadences*) и возрождения (*renaissances*) живого, светлого языческого начала, находящегося в бескомпромиссной борьбе с сумрачным христианством. Первую, «прометееву», попытку эллинского возрождения предпринял Юлиан Отступник, один из любимых героев поэта. Спустя тысячелетие его знамя подхватили итальянские гуманисты. Однако, утверждал Мережковский,

... в XV и XVI веках так же, как в V и VI — попытка возрождения не удалась, противоречие эллинизма и христианства не было разрушено, окончательно примиряющая гармония двух начал не была найдена. ... И вот теперь, на рубеже XX века, мы стоим перед тем же великим и неразрешенным противоречием Олимпа и Голгофы, язычества и христианства, опять и надеемся, и опять ждем нового *Rinascimento*, чей первый, смутный лепет называют Символизмом⁴.

Энтузиастическое ожидание Третьего Возрождения будет сопровождать всю жизнь писателя.

В построениях Мережковского явственно чувствовалось влияние Ницше — немецкий философ начал входить в моду в среде российской интеллигенции в самом начале 1890-х годов. Именно в это время молодой символист начал работу над романом «Юлиан Отступник», заглавный герой которого перед лицом наступающего христианства с его отвращением к чувственной красоте и плотской жизни пытается возродить в Византии культ богов-олимпийцев.

Открывавший трилогию «Христос и Антихрист» роман был окончен весной 1892 года, опубликовать его Мережковский соби-
рался у своего друга Акима Волынского в «Северном вестнике».

4. Мережковский Д. С. О символизме «Дафниса и Хлои» // Полн. собр. соч. М.: Типогр. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. XIX. С. 204. В последующих изданиях очерк публиковался с большими купюрами.

Однако случилось непредвиденное — противник нищезанятия Во-
лынский подверг текст нещадным правкам, вымарав из него все
неприятные ему фрагменты. Публиковать роман в таком виде Ме-
режковский не посчитал возможным. Компромисс был достигнут
лишь в 1895 году, в разгар интрижки Воынского с женой Мереж-
ковского Зинаидой Гиппиус — роман под журнальным заголов-
ком «Отверженный» все же был напечатан в «Северном вестни-
ке», хотя и в урезанном варианте.

В 1896 году Мережковские отправились в европейскую экспе-
дицию по маршрутам Леонардо да Винчи, героя второго романа
трилогии, в котором он должен был выступить, подобно Юлиа-
ну Отступнику, в роли сверхчеловека, объединяющего языче-
ство и христианство. В качестве друга семьи их сопровождал
Воынский, который всю поездку чувствовал себя как на гвоз-
дях, тяготясь своим двусмысленным положением. Итальянские
древности критик осматривал скорее равнодушно (по едкому
замечанию Зинаиды Гиппиус, в то время он даже еще не умел
«отличать статую от картины»⁵), а в середине путешествия он
устроил Мережковским сцену и вернулся в Петербург. Друж-
ба с четой символистов постепенно сошла на нет. Воынский
расстался с Гиппиус, а вместо нового романа Мережковско-
го «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» опубликовал в сво-
ем журнале спешно подготовленную серию собственных очер-
ков об итальянском гении. В 1900 году он выпустил их отдель-
ным изданием.

Книга Воынского «Леонардо да Винчи» представляла собой
цикл диалогов об искусстве итальянского Возрождения между
лирическим героем автора и неким Старым Энтузиастом, эксцен-
тричным эрудитом, знатоком и ценителем прекрасного. Еще один
персонаж, Юноша, имел прототипом поэта Райнера Марию Риль-
ке, с которым Воынский познакомился у Лу Андреас-Саломе,
в доме которой он провел лето 1897 года. Сама Саломе была вы-
писана в книге как некая молодая обворожительная особа, в ко-
торую угораздило влюбиться Юноше — любовью, «которая более
похожа на ядовитую болезнь». В этой коварной женщине, по по-
вадкам явно нищезанке «с болезненными ощущениями современ-

5. Гиппиус З. Н. «Интуристы» у фашистов // Собр. соч. М.: Дмитрий Сечин,
2012. Т. 13. У нас в Париже: Литературная и политическая публицистика
1928–1939 гг. Воспоминания. Портреты. С. 527–528.

ной эпохи», Старый Энтузиаст узнал демонические черты леонардовой Джоконды⁶.

Знаменитый портрет Волынский рассматривает как ключ к пониманию Возрождения. Моной Лизой он отнюдь не восхищается, напротив, видит в деталях ее облика, особенностях мимики знаки ее неискренности, склонности к эгоистическим тактильным удовольствиям, неспособности к состраданию. Сама знаменитая улыбка Джоконды интерпретируется критиком как знак ее душевного бессилия и внутренней смуты. В ней нет ни веселости, ни жизнерадостности.

Это неподвижная гримаса, неприятная, раздражающая, придающая всему лицу Джоконды, при его общей некрасивости, отенок какого-то особенного уродства, невиданного в искусстве ни до, ни после Леонардо да Винчи⁷.

Известно, что улыбаться натурщицу Леонардо заставлял с помощью специально нанятых шутов и музыкантов — обыкновенное выражение ее лица его не устраивало. Но в таком случае это уже не портрет — это эксперимент над человеческой душой, а, вернее сказать, насилие над натурой. И в этом вся суть так называемого Ренессанса.

Главный тезис Волынского — ложность и безблагодатность искусства, не вдохновленного божественным началом; именно так он характеризует кудесничество Леонардо да Винчи, имеющее темную природу. Величайший художник итальянского Чинквеченто предстает у него в роли демона-искусителя, да и сам Ренессанс у него трактуется отнюдь не в принятом ключе как возрождение классической красоты и раскрепощение творческих сил индивидуума, но — как движение антихристианское, демоническое, реставрация темных языческих начал.

Можно заметить, что в этом аспекте книга Волынского полемизирует с декадентством Серебряного века (в первую очередь, с тем же Мережковским) с его культом Ренессанса, ожиданием Третьего Возрождения и энтузиазмом по поводу ницшеанского язычества. И интенции автора не прошли мимо внимания его современников. Поэт-символист Николай Минский, автор «Северно-

6. Волынский А. Л. Леонардо да Винчи. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1909. С. 213–214.

7. Там же. С. 144.

го вестника», назвал труды Вольтерского о Леонардо «подземной миной, которая должна взорвать на воздух современный символизм»⁸. В целом книга об итальянском гении вызвала в среде российской интеллигенции скорее неприятие — напротив, за границей она была воспринята с восторгом.

Представление о христианстве как наследнике античности, являвшееся важным элементом концепции Третьего Возрождения, было для того времени необычным — немецкая протестантская наука, к примеру, была склонна выводить христианство из ветхозаветных пророчеств и усматривать в греческой философии источник и причину искажения первоначальной евангельской истины. Напротив, Сергей Трубецкой называл эллинскую философию христианством до христианства и видел ее значение в том, что она подготовила человечество к восприятию Христова Слова. Именно из нее христианство усвоило понятие Логоса для выражения своей религиозной идеи⁹.

По мнению Фаддея Зелинского, христианство правильно выводить даже не из философии греков, а из их религии, центральным догматом которой было представление о богочеловечности, — в отличие от чуждого христианству иудаизма, постулирующего неизмеримую пропасть между божеством и человеком: «античная религия — настоящий Ветхий Завет нашего христианства»¹⁰. В наибольшей степени идею богочеловечности выражал дионисизм — религия страсти, избытка, живой силы. Этот дионисизм (в ницшеанском понимании как начало в культуре, противоположное аполлоническому), по мнению профессора Зелинского, имманентно присущ славянству; он и станет основой для «славянского возрождения», как третьего в ряду великих ренессансов после романского — XIV-го и германского — XVIII-го веков¹¹.

Гимном грядущему возрождению стал символический этюд *Vince, sol!*¹² (1905), в своем роде оммаж Фридриху Ницше, напи-

8. Цит. по: Максимов Д. Е. Журналы раннего символизма // Евгеньев-Максимов В. Е., Максимов Д. Е. Из прошлого русской журналистики. Ст. и мат.-лы. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930. С. 124.

9. Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории // Соч. М.: Мысль, 1994. С. 44.

10. Зелинский Ф. Ф. Характер античной религии в сравнении с христианством // Он же. Из жизни идей. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. Т. 2. Древний мир и мы. С. 363.

11. Он же. Памяти И. Ф. Анненского // Он же. Из жизни идей. С. 377.

12. Солнце, победи! (лат.)

санный в духе «Заратустры». Лирический герой произведения водружает над славянской душой одну за другой скрижали новых ценностей — скрижали греческих богов — и уповает на победу солнца славянского возрождения над сгущающимися враждебными тучами (после революции 1905 года ожидание «грядущего хама» становится все острее и тревожнее). В поэтической форме Зелинский дает понять, что Дионис — бог исконно северный, славянский, лишь позднее ставший греческим: прежде ему служила «красавица юга, вожделенная дочь голубых морей; но еще раньше служили ему — сыны нашей земли. Он — наше родное божество»¹³. Этого тезиса он будет придерживаться и в научных работах по истории античной религии¹⁴.

Если Зелинский рассматривал дионисизм, прежде всего, как культурный феномен, то Вячеслав Иванов воспринимал его как явление, прежде всего, религиозное. Он призывал к реставрации «эллинской религии страдающего бога» как *живого культа*, что позволит, по его мнению, преодолеть кризис поствозрожденческого индивидуализма и сплотить человечество в глубоком экстазе мистического единства.

Можно заметить, что уже у энтузиастов Третьего Ренессанса понятие «Возрождение» трактуется расширительно — не только как реставрация античных идеалов, но и как обновление культуры вообще, путь к новому состоянию культуры и общества. Отсюда — идея о множественности «возрождений» в истории, связанная с представлением о цикличности исторического процесса. Со временем в русской религиозно-философской мысли переосмыслиется и отношение к Возрождению как определенному типу мировоззрения и мироустройства, именно в нем находят корни все углубляющегося кризиса современного общества. Ренессанс все острее критикуется как явление, ответственное за обездушивание и атомизацию западной культуры. Из антиномической пары Средневековье/Возрождение все чаще предпочтение отдается первому элементу.

Николай Бердяев рассматривает эпоху Ренессанса в тесной взаимосвязи с христианством как ее мировоззренческой основы. Полемизируя с восходящей к Буркхардту исследователь-

13. Он же. Из жизни идей. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. Т. 3. Соперники христианства. С. 409.

14. Он же. История античных религий: В 3 т. СПб.: Квадриум; Алетейя, 2014. С. 118–122.

ской традицией противопоставления Средневековья и Возрождения, он настаивает, что творческий расцвет XIV–XV веков не был бы возможен, не будь он внутренне подготовлен в Средние века:

...если бы человек не прошел аскетической школы воздержания от растраты сил, то он не вошел бы в новую историю полным творческой мощи и дерзновения, каким вошел он в эпоху Ренессанса. В этом существенная противоположность между Средневековьем и новой историей. Если европейский человек выходит ныне из новой истории истощенным и с растраченными силами, то он вышел из истории средневековой с силами накопленными, девственно непочатыми и дисциплинированными в школе аскетики¹⁵.

Бердяев описывает мировоззренческий диссонанс человека Возрождения в ситуации «бурного и страстного» столкновения духовного содержания христианской жизни, которое возросло на протяжении всех Средних веков, с античными идеалами:

...люди Возрождения были раздвоенными христианами, в них бурлили два столкнувшихся потока крови. Эти христиане-язычники раздирались между двумя разными мирами¹⁶.

Результатом становится вырождение живого творчества, пытавшегося достичь в эпоху Ренессанса наивысшего выражения, в мертвый и бездушный академизм.

Внутренняя противоречивость проекта Возрождения определила его дальнейшую судьбу.

Тайна Возрождения — в том, что оно не удалось, — говорит Бердяев. — Никогда еще не было послано в мир таких творческих сил, и никогда еще не была так обнаружена трагедия творчества, несоответствие между заданием и достижением. <...> Возрождение языческое невозможно в христианском мире, навеки невозможно¹⁷.

Мир, сотворенный Возрождением, построенный на принципах рационализма, гуманизма и индивидуализма, подошел к концу.

15. Бердяев Н. А. Смысл истории // Он же. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. С. 124–125.

16. Он же. Смысл творчества // Он же. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 442.

17. Там же. С. 445.

Наступает ночь Нового Средневековья, — утверждает Бердяев в 1922 году, через пять лет после большевистской революции. Метафору ночи он использует не в просветительском смысле («мрак средневековья»), он привносит в нее коннотации первозданности, глубины, обнаженной бездны бытия. Новая эпоха знаменуется отходом от ренессансной секуляризации, сделавшей религию частным делом, и возвращением к подлинной религиозности, к универсализму и коллективизму.

Именно Новому Средневековью, а не старой «новой историей» принадлежит и русский большевизм, явление по своей сути религиозное — в нем

...есть запредельность и потусторонность, есть жуткое касание чего-то последнего. <...> Россия никогда не выходила окончательно из средневековья, из сакральной эпохи. <...> Вот почему России в переходе от новой истории к новому средневековью будет принадлежать совсем особое место. Она скорее родит антихриста, чем гуманистическую демократию и нейтральную гуманистическую культуру¹⁸.

Предчувствуя нарастание сил зла в будущем, Бердяев, однако, делает попытку описать положительные черты грядущего общества. Государства и общества будут скреплены религией. Отомрет эгалитаризм, общества вернутся к иерархическим началам, вступит в права духовная аристократия — «личности с большим онтологическим весом, с большей одаренностью и годностью»¹⁹. Партии и парламенты, биржи и газеты перестанут управлять жизнью. Люди будут соединяться по сферам творчества и труда — возрастает значение коопераций, цехов, профессиональных союзов. В основу обществ будет положен принцип труда, который будет освящен религией. Потребности и досуг будут ограничены. В целом,

...жизнь станет более суровой и бедной, блеска новой истории более не будет. Наступают времена, которые потребуют огромного напряжения человеческого духа, огромного труда. Должно будет выработаться особого рода монашество в миру, особого типа монашеские ордена²⁰.

18. Он же. Новое средневековье // Он же. Смысл истории. Новое средневековье. С. 230–231.

19. Там же. С. 249.

20. Там же. С. 252.

Будет отброшена идея прогресса, которой было буквально одержимо Новое время — «необходимо остановить ускоряющееся движение времени, влекущее нас к небытию, получить вкус к вечности»²¹. Будет возрождена магия, вернется к своим магическим истокам и сама наука, «и скоро окончательно выявится магический характер техники»²².

Мысль о ритмическом чередовании культур средневекового и возрожденческого типов развивалась Павлом Флоренским, который сам называл себя средневековым человеком по складу мировоззрения. Первый тип культуры, по его мнению,

... характеризуется органичностью, объективностью, конкретностью, самособранностью, а второй — раздробленностью, субъективностью, отвлеченностью и поверхностью²³.

Богостремительному Средневековью Флоренский противопоставляет миростремительное Возрождение,

... а т. к. мир, в конце концов, не есть окончательная реальность, а м. б. фаза, лишь передвижная плоскость между бытием и небытием, между Богом и Дьяволом, между светом <и> тьмою крошечною, то направление в мир есть, в существе, направление ... к небытию, к тьме²⁴.

Средневековые онтологично («не кажется, а есть», «не плоскость, а глубина»), иерархично («все занимает свое место», «все многозначительно, все полносодержательно, полнозвучно. Отсюда — богослужение»)²⁵. Возрожденческой культуре присущи индивидуализм, интеллектуализм, сенсуализм, иллюзионизм, нигилизм, аналитичность, раздробленность, онтологическая пустота, обрекающая человека на пассивность:

... в этой пассивности образ мира, равно как и сам человек, распадается и рассыпается на взаимно исключающие точки-мгновения. Таково его действие по его сути²⁶.

21. Там же. С. 253.

22. Там же. С. 254.

23. Флоренский П. А. [Автореферат] // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994–2004. Т. 1. С. 39.

24. Он же. Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания // Соч. Т. 3 (2). У водоразделов мысли. С. 383.

25. Он же. Об онтологичности. К лекциям // Соч. Т. 3 (2). У водоразделов мысли. С. 368.

26. Он же. Итоги // Соч. Т. 3 (1). Образ и слово. С. 367.

Вслед за Волинским Павел Флоренский обращается к портрету Моны Лизы, содержащему знаки отпадения человека от божественного начала как сущности Ренессанса:

...Загадочная и соблазнительная улыбка всех лиц Леонардо да Винчи, выражающая скептицизм, отпадение от Бога и сам упор человеческого «знаю», есть на деле улыбка растерянности и потерянности: сами себя потеряли, и это особенно наглядно у «Джиоконды». В сущности, это — улыбка греха, соблазна и прелести, — улыбка блудная и растленная, *ничего* положительного не выражающая (в том-то и загадочность ее!), кроме какого-то внутреннего смущения, какой-то внутренней смуты духа, но — и нераскаянности²⁷.

Но, слава Богу, колесо истории совершило очередной оборот, и уже недалек час, когда человек «свергнет иго возрожденской цивилизации, даже со всеми выгодами, ею доставляемыми»²⁸. И тогда наступит эпоха новой цельной культуры — Новое Средневековье.

Даже краткий, почти конспективный обзор различных интерпретаций понятия Возрождения в русской религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX веков демонстрирует, насколько сильно оно трансформировалось по сравнению с «классическим» концептом Мишле-Буркхардта. Причины этого лежали не только в области науки — на трактовку Ренессанса накладывала отпечаток сама эпоха — время масштабных и даже катастрофических изменений во всех сферах жизни. Русские мыслители непринужденно использовали понятие Возрождения в качестве базисной метафоры для своих философских построений, наделяя его новыми смыслами.

Переосмысление понятия «Ренессанс» происходило, впрочем, и в западной науке, подвергшей сомнению само его право на существование (как раз в то беспокойное время, в 1919 году, увидел свет знаменитый труд Йохана Хёйзинги «Осень Средневековья»). Ученые доказывали, что хрононим, устанавливающий лишь один семантический аспект (возрождение античности), недостаточен для описания типологически разных явлений в европейской истории XIV–XVI веков, да и корректно ли вообще говорить о Возрождении как единой эпохе с ее уникальным своеобразием, от-

27. Он же. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. С. 158.

28. Он же. Итоги. С. 369.

граниченностью и целостностью? Однако термин «Ренессанс» уже настолько хорошо прижился на древе гуманитарных наук, что сам по себе стал ярчайшим примером

...таких исторических концепций, без которых люди обходились веками и которые затем вдруг доказывают свою необходимость, начинают жить и делаются столь привычными, что, даже критикуя их, люди более не могут без них обойтись, отказаться от них, писать историю так, как будто этих концепций не существует²⁹.

История XIX–XX веков может быть рассказана как история понятия «Возрождение».

Библиография

- Бердяев Н. А. Новое средневековье // Он же. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002.
- Бердяев Н. А. Смысл истории // Он же. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002.
- Бердяев Н. А. Смысл творчества // Он же. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
- Волынский А. Л. Леонардо да Винчи. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1909.
- Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.
- Гиппиус З. Н. «Интуристы» у фашистов // Собр. соч. М.: Дмитрий Сечин, 2012. Т. 13. У нас в Париже: Литературная и политическая публицистика 1928–1939 гг. Воспоминания. Портреты.
- Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. Т. 3. Соперники христианства.
- Зелинский Ф. Ф. История античных религий: В 3 т. СПб.: Квадриум; Алетейя, 2014.
- Зелинский Ф. Ф. Памяти И. Ф. Анненского // Он же. Из жизни идей. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. Т. 2. Древний мир и мы.
- Зелинский Ф. Ф. Характер античной религии в сравнении с христианством // Он же. Из жизни идей. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. Т. 2. Древний мир и мы.
- Максимов Д. Е. Журналы раннего символизма // Евгеньев-Максимов В. Е., Максимов Д. Е. Из прошлого русской журналистики. Ст. и мат-лы. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930.
- Мережковский Д. С. О символизме «Дафниса и Хлои» // Полн. собр. соч. М.: Типогр. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. XIX.
- Ницше Ф. Письма. М.: Культурная революция, 2007.
- Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории // Соч. М.: Мысль, 1994.
- Февр Л. Как Жюль Мишле открыл Возрождение // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.
- Флоренский П. А. [Автореферат] // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 1.

29. Февр Л. Указ. соч. С. 377.

- Флоренский П. А. Итоги // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 3 (1). Образ и слово.
- Флоренский П. А. Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 3 (2). У водоразделов мысли.
- Флоренский П. А. Об онтологичности. К лекциям // Соч. : В 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 3 (2). У водоразделов мысли.
- Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003.

THIRD RENAISSANCE OR THE NEW MIDDLE AGES? RUSSIAN SILVER AGE ON THE RENAISSANCE

OLEG MATVEYCHEV. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, matveyol@yandex.ru.

Keywords: history of philosophy; Russian philosophy; history of ideas; antiquity; Renaissance; Russian Renaissance; Silver Age of Russian culture.

The article is a historiographical and theoretical review of the views of representatives of Russian religious and philosophical thought of the late 19 — early 20 centuries on the topic of the Western European Renaissance. The article analyzes the history of the concept of “Renaissance” since its introduction into scientific use by Jules Michelet (1855) and Jacob Burckhardt (1860). The Russian intelligentsia took this term in the interpretation of Friedrich Nietzsche, who contrasted the individualism and aristocracy of the Renaissance with the egalitarianism and philistinism of modernity. The Nietzschean concept of the Renaissance by Dmitry Merezhkovsky, who sought a solution to the great contradiction between paganism and Christianity and expected a Third Renaissance, is contrasted with the constructions of Akim Volynsky, who interpreted the Renaissance not as a revival of classical beauty and the emancipation of the creative forces of the individual, but as an anti-Christian, demonic movement, the restoration of dark pagan principles. The peculiar interpretations of the Renaissance and related concepts of the Third Renaissance by Thaddeus Zelinsky and Vyacheslav Ivanov are considered.

The author emphasizes that enthusiasts of the Third Renaissance interpret the concept of “Renaissance” broadly — not only as the restoration of ancient ideals, but also as the renewal of culture in general, the path to a new state of culture and society. Hence the idea of the multiplicity of “rebirths” in history, associated with the idea of the cyclical nature of the historical process. It is noted that at the beginning of the 20 century, the attitude to the Renaissance in Russian philosophy is being rethought, the roots of the deepening crisis of modern society are found in it. The Renaissance is criticized as a phenomenon responsible for the desiccation and atomization of Western culture. The most consistent critics of the worldview of the Renaissance type were Nikolai Berdyaev and Pavel Florensky, who announced the imminent end of the Renaissance world, built on the principles of humanism and individualism, and the advent of the New Middle Ages.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-271-284

References

- Berdyaev N. Novoe srednevekov'e [The New Middle Ages]. *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e* [The Meaning of History. The New Middle Ages], Moscow, Kanon Plus, 2002.
- Berdyaev N. Smysl istorii [The Meaning of History]. *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e* [The Meaning of History. The New Middle Ages], Moscow, Kanon Plus, 2002.
- Berdyaev N. Smysl tvorchestva [The Meaning of the Creative Act]. *Filosofia svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act], Moscow, Pravda, 1989.
- Febvre L. Kak Zhiul' Mishle otkryl Vozrozhdenie [Comment Jules Michelet Inventa La Renaissance]. *Boi za istoriiu* [Combats pour l'histoire], Moscow, Nauka, 1991.

- Florensky P. Avtoreferat [Author's Abstract]. *Sochineniia: V 4 tomakh* [Works: In 4 Volumes], Moscow, Mysl', 1994, vol. 1.
- Florensky P. Itogi [Results]. *Sochineniia: V 4 tomakh* [Works: In 4 Volumes], Moscow, Mysl', 2000, vol. 3 (1), Obraz i slovo [Image and Word].
- Florensky P. Kul'turno-istoricheskoe mesto i predposylki khristianskogo miroponimaniia [Cultural and Historical Place and Prerequisites of the Christian Worldview]. *Sochineniia: V 4 tomakh* [Works: In 4 Volumes], Moscow, Mysl', 2000, vol. 3 (2), U vodorazdelov mysli [By the Watersheds of Thought].
- Florensky P. Ob ontologichnosti. K lekttsiiam [On Ontology. To Lectures]. *Sochineniia: V 4 tomakh* [Works: In 4 Volumes], Moscow, Mysl', 2000, vol. 3 (2), U vodorazdelov mysli [By the Watersheds of Thought].
- Florensky P. *Stolp i utverzhdienie Istiny. Opyt pravoslavnoi teoditsei* [The Pillar and Ground of the Truth: An Essay in Orthodox Theodicy in Twelve Letters], Moscow, AST, 2003.
- Gippius Z. "Inturisty" u fashistov ["Intourists" Among Fascists]. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Moscow, Dmitry Sechin, 2012, vol. 13 U nas v Parizhe: Literaturnaia i politicheskaiia publitsistika 1928–1939. Vospominaniia. Portrety [Here in Paris: Literary and political journalism 1928–1939. Memories. Portraits].
- Hegel G. W. F. *Lektsii po filosofii istorii* [Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte], Saint-Petersburg, Nauka, 1993.
- Maksimov D. Zhurnaly rannego simvolizma [Journals of Early Symbolism]. In: Evgeniev-Maksimov V., Maksimov D. *Iz proshlogo russkoi zhurnalistiki. Stat'i i materialy* [From the Past of Russian Journalism. Articles and Materials], Leningrad, Writers' Publishing House in Leningrad, 1930.
- Merezhkovsky D. O simvolizme "Dafnisa i Khloi" [On the Symbolism of "Daphnis and Chloe"]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Moscow, Printing House of the I. D. Sytin Partnership, 1914, vol. XIX.
- Nietzsche F. *Pis'ma* [Letters], Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia, 2007.
- Trubetskoy S. Uchenie o Logose v ego istorii [The Doctrine of the Logos in His History]. *Sochineniia* [Works], Mysl', 1994.
- Volynsky A. *Leonardo da Vinchi* [Leonardo da Vinci], Kiev, S. V. Kulzhenko Printing House, 1909.
- Zielinski F. *Istoriia antichnykh religii: V 3 tomakh* [The History of ancient religions: In 3 volumes], Saint-Petersburg, Quadrivium, Aletheia, 2014.
- Zielinski F. *Iz zhizni idei* [From the Life of Ideas], Saint-Petersburg, M. M. Stasyulevich Printing House, 1907, vol. 3 Soperniki khristianstva [Rivals of Christianity].
- Zielinski F. Kharakter antichnoi religii v sravnenii s khristianstvom [The Character of Ancient Religion in Comparison with Christianity]. *Iz zhizni idei* [From the Life of Ideas], Saint-Petersburg, M. M. Stasyulevich Printing House, 1911, vol. 2 Drevnii mir i my [The Ancient World and us].
- Zielinski F. Pamiati I. F. Annenskogo [In Memory of I. F. Annensky]. *Iz zhizni idei* [From the Life of Ideas], Saint-Petersburg, M. M. Stasyulevich Printing House, 1911, vol. 2 Drevnii mir i my [The Ancient World and us].